

РЕФЕРАТЫ

Наталья Фреик*

Петр Штомпка
Доверие: социологическая теория¹

Piotr Sztompka
Trust: a sociological theory. Cambridge: Cambridge university press, 1999. - 214 p.

Примерно с 90-х годов XX в. социологи стали рассматривать доверие в качестве ключевого элемента социальных отношений. Цель монографии П. Штомпки – разработать на основе понятийного и типологического анализа категории доверия объяснительную модель появления (разрушения) культуры доверия. Свой метод автор определяет как метод «контролируемого эклектизма» (р. X), подразумевая использование и приведение к единому знаменателю различных источников и теоретических направлений.

В первой главе монографии «*Обращение к "гибким" переменным в социологической теории*» Штомпка объясняет актуальность и причины активного обращения социологии к проблеме доверия. В первую очередь это связано с устойчивым парадигмальным сдвигом внутри самой социологической науки – от господства «социологии социальных систем» к «социологии действия». На онтологическом уровне это выражается в отказе от «жестких» представлений об обществе и обращении к «гибким» образам социальности; на эпистемологическом – в переходе от структуралистских объяснений, оперирующих «жесткими» переменными, к культуралистским – с акцентом на подвижных переменных. Второй парадигмальный сдвиг наблюдается уже внутри «социологии действия» – переход от «жестких», утилитаристских, инструментальных, позитивистских образов общества (бихевиоризм, теория обмена, игровая теория, теория рационального выбора) в сторону «гибких», гуманистических представлений о действии (символический интеракционизм, феноменология, герменевтика, исследования культуры). На онтологическом уровне изменяются представления о действии – сконцентрированность на рациональном действии уступает место учету более богатой гаммы действия, включая эмоциональные, традиционные, нормативные, культурные компоненты. В этом плане выделяются два исследовательских направления. Первое акцентирует психологические моменты (мотивацию, причины, намерения, установки) и ведет к психологической модели действия, второе – фокусируется на культурных компонентах (правилах, ценностях, нормах, символах) и приводит к культуралистской социологии действия. На эпистемологическом уровне парадигмальные изменения находят отражение в признании различных видов качественных, интерпретативных, герменевтических процедур как релевантных и эвристичных для интерпретации культурных аспектов действия.

Результатом этого двойного парадигмального сдвига стало преобладание среди актуальных социологических изысканий культурной проблематики, перенос акцента на культурную обусловленность действия. Предполагается, что действие одновременно и обусловлено культурой (аксиологическая, нормативная и когнитивная ориентации), и само служит детерминирующим фактором появления культуры. Другое закономерное достижение культуралистской перспективы состоит в обращении к миру «гибких» межличностных отношений, возобновлении интереса к моральным связям. Штомпка уточняет, что моральное, духовное сообщество представляет собой особую форму отношения к людям,

* Фреик Наталья Викторовна – младший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии Института социологии РАН

¹ © Центр фундаментальной социологии, 2002г.

© Фреик Н.В., 2002г.

которых мы определяем как «нас» (*us*). При этом действуют три вида моральных обязательств: доверие – ожидание добродетельного поведения со стороны других по отношению к нам; верность – стремление не злоупотреблять возложенным на нас доверием и выполнять возложенные на нас обязанности как принятие чьего-либо доверия; солидарность – забота об интересах других людей и готовность действовать во имя других, даже если это противоречит нашим интересам.

Культуралистская ориентация глубоко укоренена в социологической теории. Штомпка выделяет пять наиболее устойчивых дискуссионных тем:

1. Тема «одиноким толпы» (прослеживаемая от Ф. Тённиса к Д. Рисмену), в которой акцентируются атрофия духовных общностей, изоляция, атомизация и индивидуализация социальной жизни;
2. Тема «железной клетки» (от М. Вебера к З. Бауману) – формализация, деперсонализация и инструментализация межличностных отношений, бюрократизация социальных организаций и реификации индивидов;
3. Тема аномии (от Э. Дюркгейма к Р. Мертону) – акцент на хаотической и антиномической природе аксиологических и правовых регуляций;
4. Тема отчуждения (от К. Маркса к М. Симену) – сосредоточенность на отчуждении индивида от экономических и политических организаций, что приводит к потере идентичности, чувства собственного достоинства и смысла жизни;
5. Тема «восстания масс» (начатая Х. Ортегой-и-Гассетом и продолженная Л.Виртом) с характерным для нее описанием негативных сторон урбанизации и развития массовой культуры.

В современной социологии, считает Штомпка, появились и новые исследовательские линии, в которых обращается внимание на духовные, моральные связи и «гибкие» аспекты культуры. Здесь интерес представляют шесть понятий: «гражданская культура» (Г. Алмонд и С. Верба); «гражданское общество»; «культурный капитал» (П. Бурдьё); «социальный капитал» (Р. Патнэм); теория «постматериалистских ценностей» (Р. Инглхарт); «цивилизационные способности» (*civilizational competence*) самого П. Штомпки.

Обращение к культурной сфере обусловлено необходимостью для социологии реагировать на новые процессы, происходящие в современном обществе. Это, во-первых, растущее осознание недостатков и неспособности некоторых институциональных каркасов, воспринимаемых ранее само собой разумеющимися: демократические политические режимы, государство всеобщего благоденствия, свободный рынок. Во-вторых, усиление убежденности в том, что одни и те же институты могут по-разному функционировать в различных обществах (несостоятельность западных моделей политических и экономических институтов в ряде стран Африки и Латинской Америки на фоне значительных успехов в Азии; контрастно различающиеся судьбы мигрантов и беженцев, прибывающих из различных стран). В-третьих, осознание значимости культуры (пренебрегаемой ранее) в международных отношениях. В-четвертых, осознание важной роли скрытых культурных факторов для процесса посткоммунистических изменений (препятствия, барьеры, помехи и откаты на пути к демократии и рынку).

По Штомпке, сегодняшний интерес к проблеме доверия, с одной стороны, является лишь частным случаем культуралистского разворота в социологической теории. С другой стороны, он выделяет и особые причины для такого интереса, а именно – ряд специфических характеристик общества модерна. 1). Современный мир зависит от все более целенаправленных человеческих усилий; все больше людей занимают активную позицию по отношению к будущему. 2). Растет взаимозависимость мира, необходимость сотрудничества, что, в свою очередь, увеличивает сферу непредсказуемости и неопределенности. 3). Социальная жизнь наполняется новыми и более масштабными угрозами и рисками человеческой деятельности: расширяются условия для катастрофических ошибок, опасных сопутствующих эффектов. 4). Современный мир предлагает невероятные возможности во всех проявлениях жизни. В итоге, наши решения и действия наших партнеров становятся все

менее предсказуемыми. 5). Огромные сегменты социального мира стали непрозрачными не только для обычных людей, но и для экспертов. 6). Растет анонимность тех лиц, от чьих действий зависит наше благосостояние и существование. 7). Увеличивается число «чужаков», непривычных людей в нашем окружении (миграции, туризм, путешествия).

Каждая из этих характеристик современности предполагает необходимость доверия. Если в распространенных ранее психологических подходах доверие воспринималось как личностная установка, то теперь оно чаще всего рассматривается в качестве характеристики межличностных отношений, как культурный ресурс, используемый индивидами в своих действиях. Доверие выступает ключевым компонентом каждого из шести выделенных Штомпкой понятий, симптоматичных для современной обеспокоенности культурой. Так, оно является важным аспектом политической культуры; гражданского общества; культурного и социального капитала; постматериалистических ценностей; цивилизационной компетентности.

В качестве «гигантов», на плечах которых Штомпка предпочитает «стоять» в своем исследовании проблемы доверия, названы Н. Луман, Б. Барбер, Ш. Айзенштадт и Л. Ронингер, Д. Гамбетта, Дж. Колеман, Р. Хардин, Э. Гидденс, У. Бек, С. Лэш, Ф. Фукуяма, А. Селигмен.

Далее автор приступает к системному анализу категории доверия (гл. «**Понятие доверия**»). По Штомпке, контекст доверия – человеческие действия, а не природные феномены. За отправную точку исследования взят темпоральный аспект действия, ориентация любого действия в будущее. Доверие появляется в случае неопределенности и неконтролируемости будущего. Иными словами, нам необходимо доверие, если у нас нет полного контроля над будущими событиями, которые зависят от действий человеческих существ («человеческий фактор»). Для социального мира характерна значительная степень неопределенности и неконтролируемости как эпистемологического характера (отсутствие знаний о Другом, его принципиальная «инаковость»), так и онтологического плана (недетерминированность, «свобода» человеческих действий).

Штомпка выделяет три типа ориентации в отношении человеческой непредсказуемости. Для первых двух (надежда/разочарование, вера/сомнение) характерны пассивность, созерцательность, дистанцированность, стремление избежать каких-либо обязательств. Третья ориентация – доверие – проявляется в ситуациях, когда мы все же действуем, несмотря на неопределенность и риск. Так Штомпка приходит к наиболее общему определению: «доверие есть ставка в отношении будущих непредвиденных действий других» (р. 25). Исходя из этого, доверие предполагает два основных компонента: особые ожидания (как поведет себя Другой в некой будущей ситуации); и убежденность, уверенность в действии (ставка). Например, я верю (доверяю), что эта девушка станет хорошей матерью, поэтому я женюсь на ней (я ставлю на нее). Подобным образом можно, доверяя, «ставить» на политика, компанию, фирму, институт и т.п. Понятие «недоверие» (*distrust*) представляет собой зеркальное отражение доверия. Это тоже ставка, но негативная: негативные ожидания относительно действий других (вредные, дурные, невыгодные по отношению ко мне) и негативная, защитная уверенность. Термин «безверие» (*mistrust*) Штомпка предлагает использовать для нейтральных ситуаций, когда воздерживаются как от доверия, так и от недоверия. Безверие представляет собой временную, промежуточную фазу процесса построения/нарушения доверия, когда потеряно бывшее доверие или рассеялось бывшее недоверие.

Штомпка выделяет три разновидности убежденности (уверенности) в отношении действия Другого. Первый тип он называет «ожидаемым» (*anticipatory*) доверием. Здесь индивид рассчитывает на то, что другие, просто делая то, что они обычно делают (или сделают в определенной ситуации или роли), совершат действия, благоприятные его потребностям и интересам. Иными словами, индивид действует на основе знания о способностях других. Второй тип – «ответственное» (*responsive*) доверие. Это случаи, когда ценный для нас объект (ребенок, престарелые родители, деньги и т.п.) передается в чужие

руки под особый контроль и ожидается проявление к нему ответственного отношения (так, банку недостаточно быть просто надежным, он не должен растратить мои деньги). Третий тип убежденности появляется тогда, когда мы намеренно доверяем Другому, чтобы вызвать его доверие. Такое «напоминающее» (*evocative*) доверие характерно для близких, интимных отношений, среди членов семьи, друзей и т.д. Все три типа убежденности могут присутствовать в одном акте проявления доверия, поскольку их разделение носит аналитический характер. В свою очередь, степень проявляемой убежденности, по Штомпке, зависит от шести типов обстоятельств: серьезность последствий от действия, принимаемого на основе веры; ожидаемая продолжительность отношений; возможность изменить решение; степень риска; наличие гарантий или других дополнительных соглашений на случай неоправдания доверия; ценность для нас объекта (в случае его доверия другим людям).

Категория доверия самым непосредственным образом связана с категорией риска. Доверять, значит, действовать так, как если бы риска не было, «поставить риск в скобки». В итоге, оказание доверия сопряжено с риском, с массой неблагоприятных последствий: риск, что другие поступят не так, как я ожидал, вне зависимости от моего доверия (учитель школы, в которую я отправляю своего ребенка, будет хорошим или плохим вне зависимости от моего доверия данной школе); риск, связанный с самим актом доверия: негативный психологический «осадок», если кто-то не оправдал нашего доверия; риски, связанные с действиями людей, которым я доверился и которые знают и принимают мое доверие (измена любимого, друга и т.п.); риски в ситуациях, когда мы доверяем кому-либо заботиться о ценном для нас объекте.

Риски могут быть разумные и неразумные – в зависимости от степени риска (вероятность выиграть или проиграть) и ставки (ценность того, что может быть потеряно или приобретено). Данные критерии Штомпка использует применительно к четырем выделенным типам риска. Последние также выделяются аналитически, реальная жизнь предлагает массу противоречивых ситуаций. Например, высока вероятность проиграть, но в то же время и ставка высока, иначе говоря, разумнее доверять, несмотря на риск. Важен и субъективный момент – оценка степени риска и индивидуальная склонность к риску.

Различные типы рисков (включая те, которые связаны с доверием) – универсальная и вечная характеристика человеческого общества. Однако, по Штомпке, в современном мире «профиль риска» (Э. Гидденс) и объективно, и субъективно выражен сильнее, чем когда либо ранее. Среди объективных факторов названы универсализация риска, глобализация риска, институционализация риска (появление организаций, «играющих» на риске – спорт, страхование, рынки инвестиций и т.п.) и интроспективность риска (появление и интенсификация риска как непреднамеренных побочных результатов человеческих действий и «эффектов бумеранга»). Факторы, которые делают риск субъективно более ощутимым, следующие: большая чувствительность к угрозам и опасностям (исчезновение магических и религиозных оправданий и рационализаций); большая осведомленность об угрозах (увеличение образовательного уровня); большее признание ограниченности компетентности и многочисленные сбои в работе «абстрактных систем» (Э. Гидденс) – тех комплексных, огромных, безличных технологических образований, чьи принципы работы непрозрачны обычным людям, но от чьей надежности зависит их повседневная жизнь (транспорт, телекоммуникации, финансовые рынки, ядерные производства и т.п.). В итоге, теоретики позднего модерна предлагают говорить об «обществе риска» (У. Бек), в котором неизвестные и непреднамеренные последствия деятельности становятся главной движущей силой истории и общества. Социальная обеспокоенность проблемой риска имеет отношение к возросшей значимости доверия как средства нейтрализации риска и противодействия неопределенности. Доверие становится «способом примириться со сложностью будущего, порожденного технологией» (Н. Луман).

В третьей главе Штомпка анализирует «разновидности доверия». Доверяя, мы «ставим» на разные объекты. Первичные «мишени» доверия выстраиваются подобно концентрическим кругам (Ф. Фукуяма говорит о «радиусах доверия») от максимально

близких межличностных отношений к более абстрактным ориентациям применительно к социальным объектам. Это *личное* доверие к индивидам, с которыми мы вступаем в прямые контакты, включая «виртуальное» личностное доверие (к знаменитостям, «звездам»); *категориальное* доверие (пол, раса, возраст, религия, благосостояние); *позиционное* – доверие/недоверие определенным социальным ролям (мать, доктор, друг – налоговый инспектор, шпион, продавец подержанных машин); *групповое* (футбольная команда для фанатов, студенческая группа для профессора.); *институциональное* (школа, университет, церковь, банк), включая «процедурное» доверие институциональным практикам и процедурам как вера в то, что следование им принесет наилучшие результаты (доверие науке, демократии, свободному рынку); *коммерческое* (продукция определенного рода, страны-производителя, фирмы, автора и т.п.); *системное* (к социальным системам, порядкам и режимам). Заметим, что в любом из этих случаев в конечном итоге доверие выражается по отношению к индивидам и их действиям (продуктам деятельности).

«Вторичные объекты доверия» становятся таковыми в процессе оказания и оправдания доверия по отношению к первичным объектам. Большая часть того, что мы знаем (или думаем, что знаем), основана на вере различным инстанциям и вере в то, что мы слышали или читали. Соответственно, здесь доверие основано не на непосредственной информации об объекте, а на доверии другим индивидам и их высказываниям (экспертам, надежным источникам, мудрецам, соответствующим инстанциям). Нередко наше доверие, замечает Штомпка, складывается из доверия нескольким опосредованным вторичным объектам, которые выстраиваются в «пирамиды доверия» (р. 47).

Случаи безусловного доверия достаточно редки. Чаще всего оно относительно и зависит от характеристик доверяющих (индивидуальных, гендерных, социальных и пр.). Различным объектам, ролям и институтам соответствуют различные ожидания, нормативные правила (уместнее, например, рассчитывать на помощь и сочувствие матери или друга, а не конкурента по бизнесу или уличного прохожего).

Говоря об онтологическом статусе доверия, Штомпка предлагает три измерения доверия. 1). Как характеристика *отношений* (односторонних или взаимных). Этот уровень доверия разрабатывается главным образом в теориях рационального выбора. Основная предпосылка таких теорий следующая: и доверяющий, и тот, кому доверяют, воспринимают друг друга как рациональных деятелей, стремящихся максимизировать «прибыль» и минимизировать потери на основе рационального просчитывания имеющейся информации. Главная проблема доверяющего (и доверителя, поскольку эти роли всегда переплетены) – отсутствие достаточной информации по всем релевантным аспектам ситуации, а следовательно, наличие неопределенности и риска. Более сложные системы доверия появляются в ситуации *сотрудничества* (кооперации), когда в ходе совместных, коллективных действий люди стремятся к некоей общей цели, которая не может быть достигнута индивидуально. Доверие служит предварительным условием и результатом успешного сотрудничества и означает набор ставок на каждого из партнеров, на группу в целом и на сам организационный режим координации, наблюдения и лидерства, который гарантирует сотрудничество. 2). Как *личностная черта*. На этом уровне доверие рассматривается преимущественно с социально-психологической перспективы. Речь идет о «базовом доверии», «импульсе доверия», «фундаментальной доверчивости». Игнорирование «личностного» измерения доверия снижает объяснительные способности теории рационального выбора, нивелируя богатство и многогранность человеческой личности и поведения, в частности их эмоциональность и иррациональность. 3). *Культурный аспект*. Решение доверять или не доверять принимается с учетом культурного контекста, норм, сдерживающих или поощряющих проявление доверия. Одни социальные роли относятся к доверяющим и требуют оказывать доверие (доктор, социальный работник, священник и т.п.); другие – к тем, кому доверяют, и кто должен оправдывать оказываемое им доверие (спортивный судья, профессор университета и т.п.); ряд правил касается случаев доверия другим ценным объектам. Некоторые роли, наоборот, предполагают и требуют проявление

недоверия (охрана, полиция, таможня и т.п.). Существуют различия и между обществами с высоким и низким уровнем доверия.

В четвертой главе Штомпка обсуждает «*основания доверия*», которые рассматриваются с учетом трех выделенных уровней – реляционного, психологического и культурного. В первом случае оказание доверия базируется на оценке информации о том, в какой мере участники отношения заслуживают доверия (эпистемологическая основа). В то же время это психологическое качество, и корни доверчивости/подозрительности индивида следует искать в личном опыте, связанном с социализацией, предыдущими отношениями в семье и в различных группах. Здесь основу доверия составляет индивидуальная, биографическая генеалогия. Третий, культурный уровень, также подразумевает генеалогическую основу, но уже другого масштаба – коллективный, исторический опыт общества. Речь идет о культурах доверия как ценностно-нормативных системах, оказывающих независимое давление: или поощряя доверять другим и требуя быть заслуживающим доверия, или, наоборот, провоцируя недоверчивое отношение к другим. В культурах доверия преобладающие опыты аккумулируются и кодифицируются в правила. Если преобладает позитивный опыт, то для различных сфер социальной жизни доверие с большой вероятностью становится характерным правилом, складывается культура доверия. И наоборот, в случае распространения негативного опыта формируется культура недоверия.

Штомпка подробно анализирует упомянутые основания, которые, помимо прочего, накладываются и на дихотомию «первичные и вторичные объекты доверия». В качестве примера остановимся на эпистемологической основе, связанной с оценкой «рейтинга доверия» (в какой мере тот или иной объект заслуживает доверия) и соотносимой с «первичным доверием». Чтобы принять решение – доверять или нет – индивид активно ищет информацию относительно имманентных свойствверяемого объекта (первичное свойство вызывать доверие) и контекста, в котором находитсяверяемый объект (производное свойство). В свою очередь, первичное свойство объектов вызывать доверие оценивается на основе трех моментов: репутации, впечатления (*performance*) и внешнего вида (*appearance*). Репутация складывается из информации о прошлом индивида или социального объекта. Особенно важна информация о надежном поведении объекта, об имевшихся случаях оправдания/неоправдания доверия, а также о реакции на оказанное доверие (взаимность). Принципиальное значение имеет постоянство поведения. Частично подобное знание мы получаем непосредственно, но чаще всего из «вторых рук»: чье-либо мнение, косвенные показатели (CV, биографии, список публикаций), серия предыдущих достижений, членство в эксклюзивных группах с жестким отбором, наличие релевантных дипломов, профессиональных лицензий, знание о том, что какому-либо объекту доверяют другие (пример бестселлера). В итоге, репутация представляет собой некий способ инвестирования в самого себя; ресурс, позволяющий получать от других иные ценности, среди которых – их доверие и все, что из этого следует. Показатель «впечатление» относится к актуальному, настоящему, текущему поведению и получаемым результатам (экзамены в школах и университетах, тесты и проверки при приеме на работу, тестирования продукции, оценка деятельности правительства по уровню безработицы и инфляции). По сравнению с репутацией, это менее надежный показатель, его экстраполяция в будущее – более рискованная. Третья составляющая при оценке индивидов и социальных объектов – их наружность, внешняя сторона, включая и то, что они имеют (например, машина, дом, район проживания и т.п.). Социальные объекты оцениваются через внешний вид своих представителей (работников), зданий, помещений (стеклянные конструкции автосалонов, монументальные правительственные здания и пр.). Получению знаний о потенциальных объектах доверия способствуют близость отношений и их прозрачность; ясность критерия, непротиворечивая сравнительная шкала оценки достижения (ср. первенство в спорте и в науке или поэзии); компетентность. При этом Штомпка обращает внимание, что все три показателя «первичного свойства вызывать доверия» подвержены манипуляциям и искажениям.

К числу контекстуальных критериев, вызывающих «производное доверие», Штомпка относит, во-первых, подотчетностьверяемого, в частности, наличие структур, которые по меньшей мере потенциально способны на контроль и наказание в случае нарушения доверия. Во-вторых, предварительные обязательства: ситуации, когда люди сознательно и добровольно ставят себя в более жесткие условия, например, венчаются в церкви, подтверждая серьезность своих намерений. В то же время наличие такой опции изменяет уровень доверия для всех браков: к супругу, не желающему пойти на такой шаг, относятся с подозрением. В-третьих, ситуации, вынуждающие к оказанию доверия и заслуживающему доверия поведению. Здесь имеется в виду «священный» характер окружения, в котором протекают отношения (человек с меньшей вероятностью будет обворован в церкви, чем в метро; на чистых улицах сорят меньше, чем на грязных). Кроме того, доверие быстрее складывается в узких, малых сообществах.

В пятой главе «**Функции доверия**» Штомпка сосредотачивает внимание на последствиях доверия для функционирования социальной жизни, задаваясь вопросами о том, «всегда ли доверие – это хорошо, а недоверие – плохо?», и вообще «хорошо или плохо для чего?». По Штомпке, любые высказывания о функциях или дисфункциях доверия необходимо подвергать двойной релятивизации: эпистемологической (хорошо доверять честным людям, но в той же ли степени хорошо доверять лжецам?) и этической – доверие может быть выгодно для всего общества или только для некоторых групп, но невыгодно другим (хорошо доверять другим гражданам, но должно ли восхваляться доверие в криминальной среде?).

Штомпка предлагает дифференцировать функции проявления и получения оказываемого доверия; персональные функции применительно к участникам отношения и социальные функции применительно к более широкому обществу, в которых протекают данные отношения; а также различать персональные функции, значимые дляверяющего и для того, кому оказано доверие.

Штомпка обосновывает тезис о том, что доверие в целом выполняет положительную функцию дляверяющего, для того, кому доверяют, для их отношений, для группы, организаций и более широких сообществ. Оно освобождает и мобилизует человеческое действие; поощряет творческий, инновационный, предпринимательский активизм к другим людям; снижает неопределенность и риск, связанные с человеческими действиями, и в итоге, «возможности действия возрастают пропорционально возрастанию доверия» (Луман). Диаметрально противоположные выводы сделаны в отношении недоверия.

В результате Штомпка приходит к следующим заключениям:

- Доверять заслуживающим доверия и не доверять не заслуживающим доверия – функционально.
- Доверять не заслуживающим доверия и не доверять заслуживающим доверия – дисфункционально.
- В некоторых случаях априорное и необоснованное выражение доверия функционально («неспособность проявить доверие ограничивает шансы завоевать доверие»).

Чем более комплексными становятся сети отношений индивидов, тем более возрастает потребность в доверии и важность самого доверия. Автор предлагает аналитическую схему четырех возможных систем доверия. 1. Преобладание установки на подтверждаемое, ответное или обоюдное доверие ведет к культуре доверия. 2. Слепое, наивное доверие может временно способствовать культуре доверия, но она будет односторонней (держаться только на доверии со стороныверяемых) и с появлением все новых случаев неоправдания доверия разрушится. 3. Оправданное недоверие продуцирует культуру недоверия и раскручивающуюся спираль углубления цинизма и подозрительности. 4. Чрезмерное недоверие может временно потребовать нормативной санкции. При этом «спираль недоверия» может смениться восстановлением культуры доверия: постоянные и перманентные проявления заслуживающего доверия поведения могут подорвать необоснованное недоверие.

Что касается этической релятивизации функций доверия, то встает вопрос – что именно или кого брать за основу при оценке позитивности, функциональности доверия? Штомпка полагает, что такой основой должна быть функциональность для всей системы. Правда, и в этом случае не избежать идеологического критерия, ценностного выбора – какие именно характеристики общества пригодны в качестве оценки функциональности? Автор делает свой выбор в пользу приоритетности для мирных, гармоничных и целостных обществ (и наоборот, противодействие сражающимся, конфликтным или разобщенным). Это берется как точка отсчета при оценке некой мета-функциональности доверия, достоинств и недостатков по отношению к такому желаемому состоянию общества.

Чисто логически возможны два варианта: совпадение или несовпадение между внутренней функциональностью доверия (для партнеров и составляющих их групп) и внешней (для большого общества, с предпочтением к сохранению мирных, гармоничных условий и целостности). Дальнейшее следование логике функционального подхода закономерно привело к предположению, что в случае отсутствия доверия этот вакуум с необходимостью заполняется альтернативными структурами, выполняя сходные функции и отвечая универсальным человеческим потребностям в определенности, предсказуемости, порядке и пр., которые предоставляет доверие. Такие альтернативные, адаптационные практики формируются на трех уровнях: индивидуальном, практики и стратегии типичного поведения, а также в форме культурных правил, предписывающих определенное поведение. Однако проблема, по Штомпке, состоит в том, что часть этих практик, стратегий и институтов становится дисфункциональной для общества в целом. Автор выделяет шесть адаптационных реакций, защитных механизмов в ответ на разрушение доверия в обществе.

1. Провиденциализм, который имеет некий положительный эффект для граждан, но на социальном уровне оказывает разрушительное действие, вызывая пассивность и стагнацию.
2. Коррупция, обеспечивающая ложное чувство упорядоченности и предсказуемости, ощущение контроля над хаосом окружающего мира, стимуляции действий других в нужном направлении (взятки лицам, принимающим решения, подарки врачам, учителям).
3. Чрезмерное усиление бдительности, когда индивид замыкает на себя выполнение функций контролирующих инстанций, поскольку их компетентность и ответственность ставятся им под сомнение (отсюда – частная охрана, оружие в личном пользовании, установка охранных систем и сигнализаций на автомашинах).
4. Чрезмерное сутяжничество, суть которого проявляется в стремлении максимально формально зафиксировать отношения в целях безопасности.
5. «Геттоизация»: возведение непроницаемых границ вокруг «своей» группы в чуждом и угрожающем окружении. Отрезая себя от внешнего мира, люди делают его менее сложным и неопределенным. Недоверие обществу в целом компенсируется преданностью местным, этническим или семейным группам, что нередко сопровождается ксенофобией и враждебностью по отношению к чужакам.
6. Патернализация: мечты о фигуре Отца, сильного авторитарного лидера, который железной рукой наведет порядок, очистит мир от всех неблагонадежных лиц, организаций, институтов и восстановит (если необходимо – силой) порядок и предсказуемость. Подобная потребность удовлетворяется и через другие институты – распространение культов, сект.
7. Экстернализация доверия. Испытывая недоверие к местным политикам, институтам, продукции и т.д., люди начинают доверять лидерам иностранных государств, их организациям и товарам, расценивают экономическую помощь из-за рубежа, помощь МВФ, членство в НАТО или Европейском Союзе как панацею от всех «наших» бед.

В шестой главе *«Культуры доверия»* Штомпка сводит воедино все свои теоретические изыскания и анализирует социальные условия, способствующие появлению культур доверия. Этот процесс рассматривается им как частный случай более общих процессов «социального

становления» (термин, введенный Штомпкой ранее). При этом автор строит свое обсуждение на основе четырех допущений модели «социального становления». 1. Движущей силой социальных процессов является человеческая деятельность (*human agency*), т.е. индивидуальные и коллективные действия, решения и выборы акторов в рамках существующих структурных возможностей. 2. Текущие события, формирующие социальную практику, – это всегда результат апробации существующих структурных возможностей волящими и компетентными акторами. 3. Сам структурный контекст и предлагаемые им возможности формируются и переформируются текущим праксисом; представляя собой аккумулированные, длительные результаты (часто непреднамеренные) множества ранее совершенных действий. 4. Структурные эффекты прошлых практик, кристаллизованных в виде традиции, становятся первоначальными условиями для будущих практик и разрабатываются как структурные ресурсы. Этот цикл совершается бесконечно, что делает все процессы непредвиденными и неокончательными.

Таким образом, для появления культуры доверия должны быть как *структурные возможности*, поощряющие доверие, так и *агентурные ресурсы* – готовность и желание воспользоваться этими возможностями. Штомпка называет пять макросоциетальных обстоятельств, которые благоприятствуют появлению «культуры доверия» (повышение шансов оправдать доверие), и пять противоположных им обстоятельств, которые производят «культуру недоверия»: нормативная согласованность/нормативный хаос (аномия); стабильность социального порядка/радикальные изменения; прозрачность социальной организации/секретность; ощущение понятности окружающего мира²/ощущение неизведанности; подотчетность других людей и институтов /произвол и безответственность.

Вторая необходимая составляющая, благоприятствующая появлению культуры доверия, – определенные характеристики действующих агентов. К числу таковых Штомпка относит, во-первых, наличие определенного «личностного синдрома», коррелирующего с доверчивостью. Помимо обсуждаемого ранее «импульса доверия», речь идет о ряде личностных черт, косвенно связанных с готовностью к доверию/недоверию. Это активизм/пассивность; оптимизм/пессимизм; ориентированность в будущее/традиционалистская ориентация или ориентация «сегодняшнего дня»; большие/малые амбиции; достиженческая/адаптационная ориентация; инновационность/конформизм. Распространение в обществе индивидов с тем или иным синдромом на макро-социетальном уровне принимает форму социальных настроений. Во-вторых, для появления культуры доверия необходим типовой уровень персонального и коллективного капитала, ресурсов. Наиболее релевантными являются богатство, хорошая стабильная работа, многообразие социальных ролей, власть, образование, «связи», крепкая семья, религиозные верования.

Объединив все вышеназванные факторы, показатели и аксиоматические посылки, Штомпка предлагает гипотетическую модель появления культуры доверия, визуализация которой представлена в виде диаграммы (р. 133).

Предложенная объяснительная модель предоставляет соответствующие возможности для практического применения. Иначе говоря, для восстановления или построения культуры доверия необходимо сконцентрироваться вокруг переменных, эффективно воздействующих на создание доверия. С одной стороны, это соответствующие структурные изменения (р. 134-136), в результате которых трансформированные институты должны изменить образ жизни членов общества (доверие продуцирует доверие). Параллельно предполагается воздействие на агентов, обучение доверию через просвещение, семью, школу, формирование традиций, увязывание доверия с другими моральными ресурсами (в частности, религией), общественные дискуссии (акцент на СМИ), повседневные практики (р. 137-138).

В седьмой главе «*Доверие при демократии и автократии*» обсуждается роль доверия при двух противоположных формах политической системы – демократии и автократии.

² Под окружающим миром Штомпка понимает непосредственный «жизненный мир», природный, технологический и цивилизационный, в котором действуют люди.

Согласно Штомпке, доверие служит необходимой предпосылкой политического порядка и в то же время само является результатом политического порядка определенного характера. Обсуждая роль доверия применительно к демократии, автор исходит из следующих посылок:

- Культура доверия с большей вероятностью появляется при демократической системе правления.
- Доверие порождается демократией и поддерживает демократию.
- Доверие к самой демократии обусловлено критериями создания «производного доверия», как подотчетность и предварительные обязательства.

На основе данных посылок Штомпка формулирует два основных парадокса демократии. Суть первого заключается в том, что доверие к демократии основано на институционализации недоверия в ее структуру (подотчетность и предварительные обязательства). Штомпка выделяет десять основных принципов демократии – легитимность; периодичность выборов и ограничение срока занятия должности; разделение властей; власть закона и независимость судей; конституционализм и правовая экспертиза; должное ведение дел (*due process*); гражданские права; принуждение соблюдения законов; открытое обсуждение; принципы общественно-политической деятельности – и отмечает, что в каждый из данных принципов институционализировано недоверие. Другими словами, демократия обеспечивает своим гражданам безопасность против потенциальных нарушений доверия. Помимо этого, основные принципы демократии напрямую соотносятся с условиями, благоприятствующими появлению культуры доверия. В итоге, при демократическом режиме вырабатывается некий вид мета-доверия: доверие к демократии становится ультимативной страховкой других типов доверия, стимулирует готовность к ним граждан. Однако чем более институционализируется недоверие, тем более спонтанным становится доверие. Закономерен вывод, что нарушения и нападки на демократические принципы представляют серьезную опасность для подрыва культуры доверия. Соответственно, типичные неудачи демократии сводятся к возможным нарушениям десяти предложенных фундаментальных принципов демократии.

Второй парадокс демократии состоит в том, что институционализированное недоверие должно оставаться «в тени». Иначе говоря, обширные потенциальные возможности и способы повсеместного контроля, присущие демократии, должны быть задействованы только при очень ограниченной актуализации, в редких и необыденных случаях. Доверие нельзя обеспечивать исключительно за счет эффективного контроля. Гиперактивность корректив и контроля свидетельствует: что-то не так в самой системе. И это становится сигналом гражданам к проявлению недоверчивости, что может привести к нарушению культуры доверия.

В зависимости от способа функционирования демократических корректирующих механизмов, возможны две альтернативные самопродуцируемые тенденции. Если преобладает «культура недоверия», аппарат контроля, принуждения и предписаний всегда находится в состоянии мобилизации. Складывается некий порочный круг. Гиперактивность аппарата сигнализирует гражданам, что им не доверяют, и это еще более углубляет и укрепляет «культуру недоверия». Если же превалирует «культура доверия», то аппарат контроля, принуждения и предписаний задействуется только периодически. Наведение порядка демонстрирует гражданам, что первоначальное доверие восстановлено, нарушения доверия редки, и это укрепляет «культуру доверия».

Успешное функционирование демократии предполагает: коммуникации между гражданами; толерантность; замену конфликта и борьбу компромиссом и консенсусом; определенный уровень цивилизованности в ходе общественных диспутов; активное участие людей в жизни общества; образованность граждан. Во всех этих случаях велика роль доверия.

В авторитарных системах (деспотии, диктатуры, тоталитарные системы), наоборот, выражено стремление непосредственно, напрямую институционализировать доверие и превратить его в строго санкционированное формальное требование. От граждан требуется

тотальная и безусловная поддержка двух возможных объектов доверия. Во-первых, это может быть правитель – монарх, диктатор, лидер, харизматик. Здесь доверие принимает персонализированную и патерналистскую форму. Следует безусловно и беспрекословно доверять правителю не за то, что он делает, а за то, кто он есть, подобно доверию отцу. Во-вторых, в качестве такого объекта доверия может выступать сама система власти (феодалная монархия, социализм, диктатура пролетариата и т. п.), ее принципы считаются необсуждаемыми и рассматриваются как истины в последней инстанции.

Институционализация доверия в авторитарных системах осуществляется через двойной механизм. Это политическая социализация с закрытием доступа к информации извне и строгий политический контроль, сурово наказывающий во всех случаях неоправдания доверия. Принципы авторитарного режима прямо противоположны принципам демократии: все замыкается на государстве или правителе. Не случайно, для авторитарной политики свойственна произвольность, непредсказуемость, неопределенность. Если демократия продуцирует доверие, то авторитарные режимы, наоборот, – недоверие. В авторитариях не соблюдается принцип взаимности: проявлять и заслуживать доверия обязаны только подвластные по отношению к правителям. Последние относятся к подчиненным с подозрением, будучи убежденными в их виновности и непослушании. Соответственно, граждане находятся под постоянным контролем. В итоге, недоверие продуцирует взаимное недоверие. Чрезмерный контроль, надзор и принуждение порождают злобу и цинизм, подрывают доверие властям. Таков парадокс авторитарии: институционализированное доверие продуцирует всепроникающее недоверие.

В заключительной главе *«Доверие и быстрые социальные изменения: исследование случая»* демонстрируются возможности использования теоретической модели доверия для объяснения эмпирической реальности, исторических событий. Период стремительных социальных изменений, полагает Штомпка, позволяет наглядно изучать процессы появления и разрушения «культуры доверия». Автор предлагает проанализировать процессы крушения коммунизма, текущие трансформации в Восточной Европе, а именно – в Польше, судьба которой для польского социолога, естественно, ближе, понятнее и актуальнее.

Говоря о культуре «коммунистического периода» в целом, Штомпка предлагает воспользоваться понятием «культуры блока» (*bloc culture*), которое уже обсуждалось им в других работах³. Одним из компонентов и следствием этого типа культуры является широко распространенная эрозия доверия. Для культуры блока характерен культурный код, организующий мысли и действия вокруг оппозиции двух жизненных сфер – частной и общественной (официальной), противопоставление которых строится по принципу дюркгеймовой оппозиции «священного» и «светского». Частная (партикуляристская) сфера представлена как область хорошего, а общественная (универсалистская) – как область негативного. Признавая универсализм в качестве отличительной черты демократического дискурса, Штомпка постулирует сущностно антидемократический дискурс социалистических обществ. Для культуры блока характерен двойной стандарт истины – официальный и частный: общее недоверие всему, что связано с государством и его институтами, и наивная вера в любую информацию, идущую из частных источников и извне системы. Граждане апатичны, пассивны и подозрительны, власти воспринимаются ими чуждыми и враждебными. Недоверие присуще всему социальному порядку.

На основе богатой эмпирической базы, анализа исторических фактов и документов, статистических и социологических данных (включая собственные исследования) Штомпка выделяет несколько стадий в истории Польши (начиная со второй половины 70-х годов XXв. вплоть до времени публикации монографии), каждая из которых характеризуется определенным уровнем доверия в обществе. Используя выделенные ранее показатели, позволяющие прямо или косвенно оценить уровень доверия, Штомпка прослеживает флуктуации доверия в польском обществе на протяжении выделенного периода. Для первых

³ См., напр., Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996; Sztompka P. Society in action: the theory of social becoming. Cambridge: Polity Press, 1991.

стадий характерно глубокое разочарование и недоверие в публичной сфере (коммунистической партии, режиму, правящей элите) на фоне высокого уровня доверия в частной сфере, что находит отражение в данных общенациональных опросов, типичных установках, общественных настроениях. Дефицит доверия, неуверенность в будущем подтверждаются широким распространением защитных механизмов, выделенных ранее: коррупция, недоверие социальному порядку и общественной безопасности, упования на иностранную помощь, стремление поместить себя в «гетто» близких отношений, патернализация и пр. Глубоко укорененная «культура блока» создавала препятствия и трудности при проведении демократических реформ: сохранялось недоверие социальному порядку, что выражалось в иммиграции, отказе от участия в общественной жизни, социальных протестах и т.п., постоянно воспроизводилась коренная для коммунистической культуры оппозиция: все официальное по-прежнему вызывало недоверие (например, государственная система образования и здравоохранения на фоне активного распространения частных школ, клиник и т.п.).

Относительный подъем уровня доверия сменился напряженным периодом после проведения реформ, когда энтузиастические надежды не оправдались и накопилось множество проблем. Эта стадия, шестая по счету в системе Штомпки, характеризуется им как «постреволюционное недоумогание». Штомпка фиксирует полнейший кризис доверия в социальной системе, недоверие всем институтам, правительству, политикам, СМИ, реформам в целом, межличностным отношениям и пр. С середины 90-х годов он фиксирует в польском обществе устойчивую тенденцию к «демократической консолидации и восстановлению доверия». Постепенное искоренение фундаментального недоверия, считает автор, связано с совместным действием следующих факторов: наличие обстоятельств, подтверждающих убежденность в том, что изменения непрерывны, постоянны и необратимы; значительный экономический рост; новое качество и уровень жизни; консолидация политической демократии и конституционализма: принятие новой конституции, успешная смена власти через выборные процедуры, практическая верификация демократических институтов; становление рынка и частной собственности; реальная перспектива вступления в западные военные, политические и экономические альянсы; расширение личного и социального капитала и рост «ресурсности», по крайней мере у ряда значительных страт общества (при этом успешно прижились и традиционные ресурсы, в частности, наличие связей, поддержка семьи и принадлежность к религиозной общине); смена поколений: появление новых поколений, выросших в других условиях.